

№25 ГОСТИННЫЙ
ДВОР

Татьяна Владимировна Судоргина родилась в селе Октябрьском Оренбургской области. Окончила Московский историко-архивный институт. Долгое время работала заведующей отделом информации Государственного архива Оренбургской области. В настоящее время – главный специалист Комитета по делам архивов области. Действительный член Пушкинского общества, автор многочисленных публикаций на исторические темы.

Татьяна СУДОРГИНА

«ИМЕЕТ КУЛЬТУРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ»

*Тополёвый сад: история
и проблемы**

Парк отдыха «Тополя» любим многими поколениями оренбуржцев. О его истоках поведают архивные документы.

«ПУБЛИКА РАЗБИЛАСЬ МЕЖДУ ОПЕРОЙ, ЛЕТНИМ ТЕАТРОМ И ЦИРКОМ»

Под заголовком «Садовая концессия» на излёте апреля 1906 года газета «Оренбургский край» опубликовала критическую заметку: «Городской общественный сад, так называемый «Тополёвый», отданный в эксплуатацию Алексееву, в настоящее время со всех сторон заперт, благодаря чему проживающие вблизи сада лишены возможности пользоваться им для прогулок, подышать свежим воздухом. Спрашивается

* Продолжение. Начало см. ГД №23, 24

— нормально ли это? По-видимому, городское управление умудрилось заключить с арендатором такое условие, которое даёт последнему право держать сад взаперти и отворять только в то время, когда собираются с обывателей двугривенные. Это более чем странно в нашем и без того лишённом летних удобств городе».

«Оренбургская газета» в мае напечатала объявление: «ТОПОЛЁВЫЙ САД. Дирекция И.М. Алексеева. Ежедневно большой разнохарактерный ДИВЕРТИСМЕНТ при участии первоклассных артистов: немецкая шансонетная певица мадам Муазель Аннет, известный артист балетмейстер С.-Петербургского балета господин Люзинский, русская шансонетная певица мадам Муазель Тамарина, дуэт-танцоры Варшавских правительственных театров господин и госпожа Невирович, известная интернациональная труппа Ф.П. Сокольского, разнохарактерный дуэт танцовщиц мадам Муазель Бареш и Кушинской, тенор певец господин Данилов, танцовщицы мадам Муазель Зинина и мадам Муазель Тамара. Русский хор, состоящий из 20-ти человек, госпожи Абачиной. Дебюты русских салонно-комических и японских дуэтистов А.Д. и П.В. Цыганко. Плата за вход 20 копеек».

Автор рубрики «Театр и музыка» того же популярного издания делился впечатлениями от спектакля «Смерть Иоанна Грозного» — одного из первых, поставленных на сцене летнего театра в 1906 году: «Не знаю, шла ли в Оренбурге «Смерть Иоанна Грозного», но полагаю,

что более благоприятные условия для её постановки, чем те, которые даёт антреприза господина Кручинина, вряд ли бывали». При этом журналист не удержался от возможности обратить внимание на помехи: «Монолог «Чего давно душа моя желала» был прочитан прямо художественно, не смотря на то, что читался под аккомпанемент весёлых шансонеток, долетавших из сада. Нельзя ли в будущем избежать таких сочетаний?!»

Вскоре хроникёр «Оренбургского края» известил: «В летнем театре Тополёвого сада открывается ряд оперных спектаклей труппы, в рядах которых состоят некоторые артисты императорских театров. Сегодня (т.е. 16 мая 1906 года) идёт «Фауст» Гуно, завтра «Демон».

В последний весенний день 1906 года «шла сценическая иллюстрация повести Куприна «Поединок». Побывавший на спектакле оренбуржец свидетельствовал: «Начали чуть ли не в 9,5 часов вечера и благодаря этому шесть картин при длинных притом антрактах позволили окончить пьесу между часом и двумя ночи. Ромашова прекрасно сыграл Ленин...»

Привлекая внимание зрителей, арендаторы Тополёвого сада размещали в газетах многообещающие анонсы: «ЛЕТНИЙ ТЕАТР. ТОПОЛЁВЫЙ САД. В воскресенье 4 июня во второй и последний раз представлена будет сенсационная новинка репертуара столичных театров 1. ПОЕДИНОК — иллюстрация повести Куприна в 6-ти картинах. 2. МЕДВЕДЬ — шутка

в 1-ом действии Чехова. Участвует вся труппа»; «По значительно уменьшенным ценам представлено будет «Кин или гений и беспутство» — драма в 5-ти действиях сочинение А.Дюма»; «Во вторник 6 июня представлено будет в 1-й раз в Оренбурге только что разрешённая к представлению в провинции сенсационная новинка, имеющая колоссальный успех на всех столичных и провинциальных сценах «Труд и капитал» — драма в 5-ти действиях сочинение Брие. Участвует вся труппа».

Сотрудник «Оренбургского края» счёл нужным сообщить читателям: «В летнем театре пойдёт «Труд и капитал». Произведение развёртывает недавно ещё запретные страницы борьбы двух антагонистических сил буржуазного строя — труда и капитала. Обрисовано новое течение в современной западно-европейской жизни — попытки

найти выход из острой борьбы рабочего класса с капиталистами путём создания производительной кооперации. Рядом с героем этого «нового дела» на пользу рабочей массы выступает капиталист-филантроп. На фоне противоположности интересов представителей труда и капитала выведена фигура рабочего-анархиста. Эффектна сцена взрыва положенной им в конторе капиталистки бомбы.

Бенефис артистки Саблиной-Дольской прошёл при крайне неблагоприятных условиях — стояла холодная погода. Публика по-прежнему разбилась между оперой, летним театром и цирком, а потому бенефициантке пришлось выступать перед малочисленной публикой...»

Согласно свидетельству современника с 25 июня 1906 года в летнем театре Тополёвого сада «начались спектакли русско-малороссийской

Оренбург
Тополёвый сад

труппы Мирова-Бедюха. Поставлена пьеса Шевченко «Батьки», из художественной малороссийской литературы «Назар Стодоля», «Запорожский клад» — весёлая оперетта Ванченко. «Оперетта «Гейша» произвела хорошее впечатление. Обыкновенно опереточные труппы безголосы, но «певучи» и выезжают на шарже. Ни в чём этом малороссийскую труппу Мирова упрекнуть нельзя». «Труппа заслуживает полного внимания публики, так как в своих рядах имеет даровитых артистов, жизненно-правдиво передающих южно-русский юмор. Хор недурён. Слабее оркестр, плохо игравший даже в воскресном спектакле. В дальнейшем предвидится постановка «Вия» Крапивницкого и некоторых новинок репертуара малороссийской сцены».

Тогда же оренбуржцев пригласили в Тополя для знакомства с новым видом искусства: «Тополёвый сад с 29 июня на открытой сцене начнёт свои гастроли Электро-Аниматограф ПАРФИЯНО, живые картины которого заслужили лучшие газетные отзывы и пользуются большим успехом у публики. Громадный репертуар, в который входят: драмы, комедии, феерии, разные спорты на суше и воде, балет, бытовые сцены, путешествия железнодорожные и пароходные по лучшим уголкам земного шара, всевозможные комические сюжеты. Всё это делает возможность угодить всем вкусам публики. Ни один театр не может дать такого разнообразного, полезного и приятного развлечения, какое даёт Аниматограф Парфияно. Картин

вульгарного содержания нет, а потому дети и девицы свободно могут посещать Аниматограф Парфияно, который будет заканчивать сеансы до 12 часов ночи. Цена за вход в сад 25 копеек».

Репертуар Аниматографа постоянно менялся: «Будут показаны живые картины, между которыми выделяются: балтийская эскадра Рождественского в дороге на Восток. Любовь в плену и на воле. Проводы запасных в Японии. Штурм сопки. Львы дрессированные. Первая любовь французского гимназиста. Что делает прислуга, когда господ нет дома. Волшебный лес — большая волшебная картина в красках и другие интересные картины. Картины показываются на открытой сцене одновременно с ходом спектакля в театре. Цена за места перед сценой по 25 копеек».

«В БУДНИ ТОРГОВАТЬ ДО 3-Х ЧАСОВ НОЧИ»

Местными властями в начале XX века остро обсуждались проблемы, связанные с режимом работы оренбургских увеселительных заведений. На совещании выборных от биржевого и городского общества 27 февраля 1907 года рассматривался «вручённый представителем общества приказчиков» проект постановления об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и промышленных заведениях, складах и конторах». В результате решено: «...Трактирные заведения 1-го разряда (к которым относился и ресторан в Тополях — Т.С.). Торговать с 11-ти утра до 2-х часов ночи, обеды посменно. Относительно праздничного отдыха служащих в

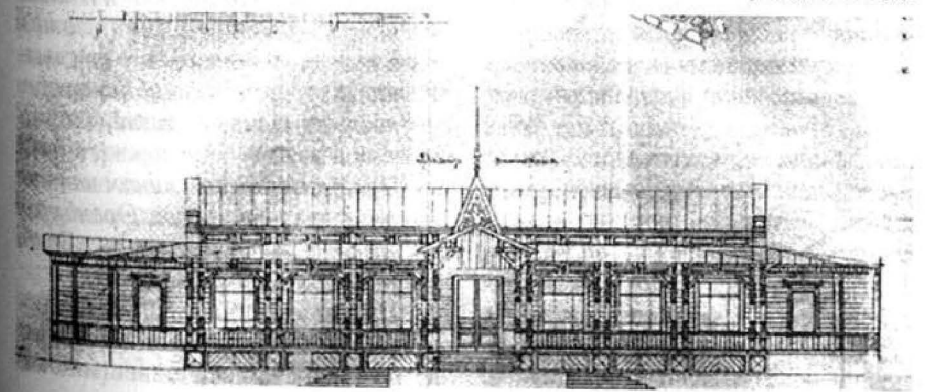
трактирных заведениях комиссия нашла нужным производить торговлю по праздникам от 1 часа дня до 6-ти вечера». В окончательном варианте проект устанавливал иные часы работы служащих: «Рестораны Беловка и Тополёвый сад. Будни: с 1 часа дня до 3-х часов ночи, из них на обед 2 часа. Праздники: с 6 часов вечера до 3-х часов ночи». При этом было заслушано «особое мнение»: «Алексеевым возбуждён вопрос о летних ресторанах в Тополёвом саду и в вокзале Белова. Комиссия постановила допустить в них торговлю с 8-ми часов вечера до 2-х часов ночи, причём за лишний час должна быть особая плата служащим».

Ознакомившись с проектом обязательного постановления «об обеспечении нормального отдыха служащих», управляющий акцизными сборами Оренбургской и Тургайской губерний уведомил оренбургскую городскую думу: «Вопрос о распределении времени торговли в казённых и частных заведениях с продажей крепких напитков обсуждён в хозяйственном комитете при вверенном мне управлении, который, приняв во

внимание все местные условия торговли крепкими напитками и самый характер производства её в связи с действительными потребностями населения, нашёл нужным сделать существенные изменения в проекте». Предложено «установить следующие часы торговли: для ресторанов Беловки, Тополёвого сада и внеурядного ресторана «Американская гостиница», производящего торговлю крепкими напитками произвольными мерами и по вольной цене, без обязательной продажи в запечатанной посуде и по казённым ценам, в будни с 12 часов дня и до 3-х часов ночи с перерывом для обеда, и в праздники с 6 часов вечера до 3-х часов ночи с перерывом для обеда»...

Один из гласных оренбургской городской думы, обратив внимание коллег, на то что «для трактирных заведений и пивных лавок назначается продолжительная праздничная торговля», заявил, что «эти увеселительные заведения требовали

План ресторана Тополёвого сада.
Начало XX века

бы праздничного отдыха, так как служащие их в будни утомлены безмерно».

Рассуждая о благоустройстве и доступности зелёных уголков губернского центра, корреспондент «Оренбургского края» весной 1907 года возмущался: «Сад, даже садик, а о парке и говорить нечего — драгоценность в нашем пыльном, душном и жарком Оренбурге. А садов немного, и лучшие из них — Тополёвый и Неплюевский заняты: один кабаком, а другой тоже кабаком, но только без европейских деликатесов. Во всяком случае, там не место отдыха и прогулок, в особенности для детей».

«НАДО ЗНАТЬ МЕРУ И В НЕПРИЛИЧИИ»

Уже в начале 1908 года «Оренбургская газета» информировала: «На днях содержатель Тополёвого сада Алексеев заключил условие с казачьим оркестром, по которому оркестр этот обязуется в течение лета играть в Тополёвом саду». Автор цикла публикаций под общим названием «Оренбургские картинки» в марте 1908 года, заботясь о нравственности оренбуржцев, писал: «Во время удержания народа от соблазна разрешена была постройка открытой сцены в Тополёвом садике с всенепременнейшим условием, чтобы женских хором ни в коем случае не допускалось. Затем в виде исключения разрешено было иметь маленький хор, но опять-таки всенепременно не более, как из семи женщин. От этих семи разрешённых женщин произошло семсот семьдесят семь разрешённых и неразрешённых, которые в

настоящее время наполняют собой все рестораны, гостиницы и даже трактиры мелкого пошиба. Везде пение, музыка...»

Накануне долгожданного сезона гуляний в «Оренбургской газете» помещено сообщение: «Летний Тополёвый сад открывается 27 апреля, как и следует такому «просветительному» учреждению. Не забудем, что сад посещается и учащейся молодёжью, а для привлечения публики на открытой сцене будет показываться «В стенах гарема султана». Мы понимаем, что от кафе-шантана нельзя требовать чего-либо приличного, но надо знать меру и в неприличии, и зазывать такими рекламными порнографиями как-то совестно, тем более, что сад в своей вывеске носит название «Городской».

Есть у нас театральная комиссия, которая должна заботиться о репертуаре театра, а между тем, два общественных места — Беловский вокзал и Тополёвый сад превращаются прямо в непосещаемые места. Отчего бы не последовать примеру заграницы — там программа подобных учреждений делится по часам. Например, до 10 — 11 часов идёт семейная программа, затем появляется аншлаг для взрослых. У нас же для всей публики преподносятся такие гадости, как «В стенах гарема».

Нижним воинским чином начальником гарнизона города Оренбурга воспрещено посещать сады «Беловку» и «Тополёвый сад».

Назвав свою заметку «Без порнографии», хроникёр того же издания, чуть позже известил: «В

виду открытия Тополёвого сада, который служит общественным местом и посещается молодёжью, арендатор сада обязан госпожином полицеймейстером не допускать на садовой сцене исполнения рассказов, куплетов и романсов неприличного содержания. Приставам предписано наблюдать за исполнением этого обязательства».

«ЛИЦА, ВЗЯВШИЕ БИЛЕТЫ В ТЕАТР, ЗА ВХОД В САД НЕ ПЛАТЯТ»

Рядом с обращением от оренбургского губернатора Ожаровского, в котором говорилось: «Никакие митинги и собрания на открытом воздухе законом не дозволяются и поэтому не будут допущены», на первой странице «Оренбургской газеты» 1 мая 1908 года напечатано объявление: «Тополёвый сад. Русская драма «Ансамбль», дирекция Г.К. Невский и М.В. Маслов. Представлено будет «Казнь» — драма в 4 действиях и 5 картинах, сочинение Ге. Начало ровно в 9 часов вечера. Касса открыта с 11 до 3 часов и от 6 часов до окончания спектакля». Затем к подобным объявлениям-афишам сделано дополнение: «Лица, взявшие билеты в театр, за вход в сад не платят. Служащие в правительственных и общественных учреждениях могут получать чековые книжки со скидкой 10% за поручительство ответственных должностных лиц».

Один из оренбуржцев констатировал: «Первое представление труппы «Ансамбль» показало, что перед нами, действительно,

Г.К. Невский

артисты и оренбургская публика может нынешним летом получать эстетическое наслаждение. Хороша обстановка сцены. Необходимо отметить и режиссёрскую часть. Она поставлена так, что труппа действительно заслуживает название ансамбль. Мы можем смело рекомендовать оренбургской публике летний театр». Затем в отзывах о театральных постановках в Тополёвом саду появились комментарии: «Публика ходит во время действия и мешают смотреть пьесы, нужно быть внимательнее к интересам других».

Побывав на спектакле «Честный человек», анонсированном, как «новинка берлинских театров», сотрудник «Оренбургской газеты», советовал служателям Мельпомены

«быть более внимательными при подборе аксессуаров, а то получают курьёзы в роде того, что на столах берлинской редакции лежат номера нашей газеты. То же можно сказать относительно костюмов, так господин Томилин (репортёр), выходя по роли в оборванном платье и даже в чужих ботинках, человек, жалующийся, что он два дня ничего не ел, и вдруг на его рваном жилете зритель видит массивную золотую цепь...»

В афишах летнего театра особо заявлялось: «Представлена будет новинка лондонских театров и петербургского театра литературно-художественного общества «Приключение в участке»:.. «Представлена будет новинка, одобренная на конкурсе литературно-художественного общества в Петербурге, имевшая колоссальный успех в Харьковском драматическом театре, драма из действительной жизни «Жить хочется»; «Дан будет в последний раз общедоступный спектакль по значительному уменьшенным ценам из еврейской жизни «Пасынки жизни». Пьеса, благодаря своим литературным достоинствам, своей реальности, сценическим эффектам и ярко очерченным типам и характерам, заслужила всеобщее одобрение столичной прессы, переведена на немецкий и английский языки»; «Представлена будет сенсационная новинка, обошедшая с громадным успехом все столичные и провинциальные театры, принятая к постановке на сцене Императорских театров «Девушка с прошлым» — сюжет пьесы взят из современных

нравов столичных прожигателей жизни»; «Состоится бенефис артиста Н.П. Томилина. Представлена будет новая пьеса В. Протопопова «Две страсти» — драма в четырёх действиях, предисловие к пьесе профессора психиатрии П.И. Ковалевского».

Разрекламированная «новинка лондонских театров, прошедшая более 300 раз при полных сборах с колоссальным успехом «Клуб самоубийц», рисующая быт и нравы оригинальных обитателей лондонских клубов», не понравилась жителям степного края: «На протяжении четырёх актов мы видели и агентов тайной полиции, и каких-то бандитов, и таинственный мрак на сцене, словом, всё, что угодно, кроме жизни и действительных людей. Было жаль театр и его тружеников, которые в погоне за лишней копеечкой решили познакомить публику с подобным шедевром современной драматургии».

Оренбургский театрал, скрывающийся за псевдонимом «Жало», тогда же поведал об инциденте, случившемся во время спектакля «Шут»: «Во всей пьесе только одна роль для женского персонажа — это придворная дама Вингер и в ней выступила такая крупная сила труппы, как госпожа Азаревская, но во втором акте, когда она должна была вести трудную сцену объяснения с Вольфом, занавес был спущен, а через несколько минут недоумевающая публика услышала от дирекции печальную весть, что с М.Б. Азаревской глубокий обморок, и что её заменит экстренно госпожа Волконская. Немедленно был вызван врач,

которому только через полтора часа удалось привести госпожу Азаревскую в чувство. И так в первом акте мы видели Герой госпожу Азаревскую, а в следующем госпожу Волконскую и можем смело сказать, что анонс дирекции с просьбой о великодушном снисхождении публики к заменившей артистке был совершенно излишним, так как госпожа Волконская сразу вошла в свою роль и с большим чувством провела её».

Как «общедоступный спектакль по значительно уменьшенным ценам», в летнем театре демонстрировалась драма Ф.М. Достоевского «Идиот». Постоянный ведущий рубрики «Театр и музыка» в «Оренбургской газете» восхищался: «Мы не будем говорить о том, что плакали не только дамы, но и мужчины; мы обойдём также молчанием и это жуткое состояние от монологов, которое испытывала публика, как один человек; но мы хотим повторить только одну фразу, которая невольно вырвалась у кого-то во время первого акта и нам кажется, она может служить лучшей и высшей похвалой господину Нерадовскому (князь Мышкин). На сцене князь Мышкин произносит монолог о казни. Весь зал замер и вот в эту минуту страшного напряжения кто-то крикнул: «Какая чудная игра!»

«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЦЕЛЬ СПЕКТАКЛЯ ПРИВЛЕКЛА ПОЛНЫЙ ЗАЛ ЗРИТЕЛЕЙ»

В «Тополях» 100 лет назад организовано немало благотворительных мероприятий для учащейся молодёжи

губернского центра. Сначала состоялся спектакль «в пользу городской санатории для детей». Приглашая на него зрителей, корреспондент «Оренбургской газеты» информировал: «Пойдёт пьеса Зудермана «Праздник жизни». Сама пьеса очень интересна по исполнению. Цель спектакля настолько симпатична, что мы не сомневаемся, что публика даст полный сбор. Говорить о значении санатории не приходится, в неё поступают учащиеся, наиболее нуждающиеся в отдыхе и в возобновлении здоровья. Спектакль устраивается Зинаидой Дмитриевной Кузьминой (супруга городского головы — Т.С.)».

На 14 июня 1908 года в театре «назначена пьеса Зудермана «Гибель Содомы», в саду будут фейерверки, роскошное гулянье, на открытой сцене концерт и синемаграфы. Сбор поступит в пользу общества вспомоществования нуждающимся ученицам женской гимназии».

Затем оренбуржцев известили: «В театре Тополёвого сада 18 июня спектакль с концертным отделением в пользу музыкальной школы Г.С. Добер. Представлена будет трёхактная комедия «У дверей рая». В концертном отделении принимают участие учащиеся школы». Представитель прессы сообщал: «Благотворительная цель спектакля привлекла полный зал зрителей, тепло принимавших исполнителей. С сожалением приходится констатировать не культурное отношение части публики к театру. Есть сорт посетителей, которых как магнит притягивает открытая сцена. Намытившись вдоволь шансонетками,

они с шумом вваливаются во время действия в зал, чем нарушают цельность впечатления от игры».

Сбор от спектакля «Самсон» направили в «пользу общества вспомоществования нуждающимся учащимся в городских и приходских училищах». Спектакль «Благотетели человека» прошёл в «пользу недостаточных студентов Оренбурга». Организаторы благотворительного вечера выразили благодарность О.С. Волконской, Е.И. Ефимцевой, В.Н. Федотовой (тетя всемирно известного музыканта Мстислава Ростроповича — Т.С.) и Р.И. Лункевич,

В.Н. Федотова

принимавшим благосклонное участие в концертном отделении».

Тополёвый сад выбран местом проведения лотереи-аллегри «в пользу школы общества взаимного вспомоществования приказчиков Оренбурга», инициаторы которой подчёркивали: «Выигрышей всего 1200. Главные подарки следующие: Приданое, состоящее из 60 предметов, граммофон «Гигант», золотые мужские и золотые дамские часы, золотой дамский браслет, серебряные мужские часы, трюмо, два никелированных самовара, стенные часы, швейная машина, мраморный умывальник. Другие подарки: 10 самоваров, 10 шерстяных отрезов на дамские платья, 10 отрезов шерстяной материи для юбок, 20 отрезов модной летней ткани, отрезы для кофточек, шёлковые дамские шарфы, одеяла, 100 отрезов различной ткани, а также масса других ценных подарков, состоящих из различных предметов первой необходимости. Начало лотереи в 2 часа дня. Цена лотерейного билета 25 копеек».

К всеобщему удовольствию «лотерея привлекла массу публики, охотно покупавшей билеты. Все вещи были размещены на полках, устроенных

на эстраде для музыкантов и открытой сцене, красиво убранных бумажными цветами. Сад весь был разукрашен маленькими разноцветными бумажными флагами, вечером иллюминирован. С полдня, когда началась продажа билетов, играл оркестр музыки. Насколько можно судить по первым впечатлениям, сбор был очень удачен, цель, следовательно, достигнута».

Местный журналист счёл нужным обнародовать заметку «Оригинальная реклама»: «Новый способ рекламировать... В городском Тополёвом саду на одной из эстрад, где были размещены лотерейные подарки, стоял стол, на котором находился никелированный самовар и чайная посуда. За столом на стульях красовались три восковые фигуры: двух девушек и молодого человека — все трое держали в руках объявления о дешёвой распродаже в универсальном магазине Леск (речь идёт об оренбургском коммерсанте, который является прадедом по материнской линии известного французского писателя Мориса Дрюона — Т.С.). Нечто американское!»

«РУХНУЛ СТОЛБ С ФОНАРЁМ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ»

Ночная жизнь Тополёвого сада нередко описывалась в полицейских хрониках 1908 года: «7 июля (20 июля по новому стилю — Т.С.) около пяти часов утра кто-то из подвыпившей компании, выходящей из Тополёвого сада, произвёл из револьвера выстрел. Подбежавший городской с ближайшего поста на-

чал расспрашивать, кто и для чего стрелял, и просил стрелявшего идти в часть и объяснить случай выстрела. Бывшие в этой компании студент Г.Н. и Е.Б. начали оскорблять городского, причём сорвали с городского накидку, шнур, фуражку и медали, схватили городского за шею, стараясь душить его шнуром и руками, и вывёртывали лицо ему назад. Городовому удалось выхватить револьвер и он под угрозой выстрелить заставил всю компанию стоять на месте, сзывая в то же время свистками городских с соседних постов, по прибытии которых вся компания была доставлена в часть, где составлен протокол».

Среди архивных документов вековой давности обнаружены упоминания о проблемах, связанных с освещением Тополёвого сада. В первые июльские дни житель Оренбурга недоумевал: «Тополёвый сад. Почему-то электричество в саду зажигают только тогда, когда публика чуть уже не ощупью начинает ходить. Кто виноват: электрическая станция или это скупость арендатора сада? Было бы неплохо, если бы поливка сада не была настолько обильна, что везде стоят весь вечер лужи и аллеи грязны настолько, что невозможно идти без галош».

Чуть позже представитель «Оренбургской газеты» подготовил ещё одну публикацию о «порядках Тополёвого сада»: «На месте наибольшего скопления гуляющей по вечерам публики рухнул столб с фонарём электрического освещения, стоявший около музыкальной веранды. Столб порвал провода и разбил соседний фонарь. Оказалось, что

он совершенно сгнил в той части, которая была в земле, и держался только на оттяжках, каковыми являлись сами провода освещения.

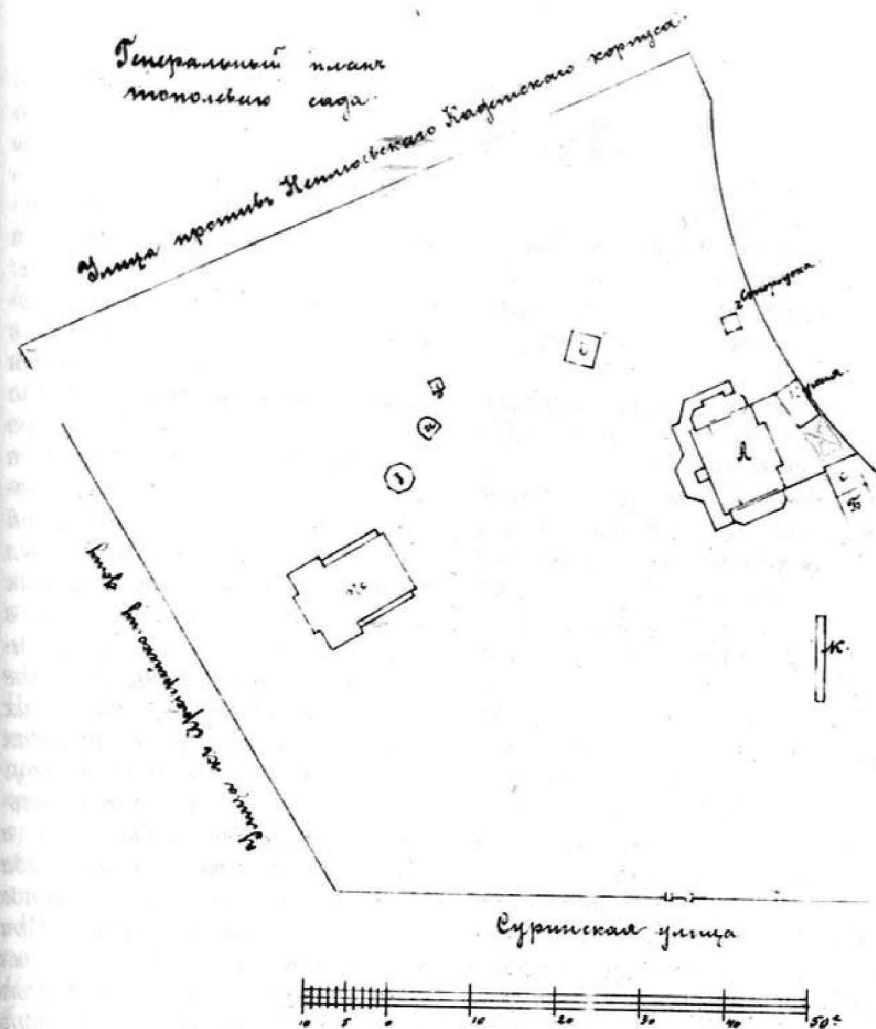
При катастрофе, произошедшей благодаря счастливой случайности в 1,5 часа дня, никто не пострадал. Не то было бы конечно, если бы это падение произошло вечером. Число жертв, безусловно, было бы громадно, так как пострадали бы не только попавшие под столб и фонари, но также и все те, кого бы только коснулась проволока, а она упала на круг у фонтана. Пора бы обратить должное внимание на халатное отношение администрации сада к своим прямым обязанностям. Кроме того, нельзя обойти молчанием ещё одну небрежность в отношении электрического освещения сада, а именно — все фонари почему-то не имеют ни особых выключателей, ни предохранителей».

Через несколько дней напечатаны два сообщения о развитии событий. В первом под названием «Нет худа без добра» извещалось: «Упавший столб поддал мысль исправить его товарищей. Теперь в центре города развозятся к столбам чугунные подставки, которые будут зарываться на два аршина в землю, верхняя часть чугунных подставок будет держать дерево, предохраняя его от порчи и падения». Во втором, озаглавленном «Ещё о порядках Тополёвого сада», говорилось: «Фонари электрического освещения имеютя всего лишь на кругу у фонтана, все аллеи освещаются вольтовыми дугами, не заключёнными в стеклянные шары. Это странное и ничем необъяснимое отсутствие покрывки,

уже не говоря о том, что создаёт неприятный, режущий глаза свет, небезопасно и в пожарном отношении. Так, на днях был такой случай. Господин П., прогуливаясь вечером по главной аллее сада, почувствовал запах гари, а немного спустя сильную острую боль в темени. Инстинктивно он сбросил шляпу, и что же оказалось? На шляпу упал уголь вольтовой дуги... На этот раз всё обошлось сравнительно благополучно и господин П. отделался лишь испугом и шляпой, а при подобных обстоятельствах могло быть и хуже».

«ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПО РЕДКОСТИ СЛУЧАЙ»

Приглашая в летний театр на концерт Густаво Рески, сотрудник «Оренбургской газеты» утверждал: «Публике предоставляется исключительный по редкости случай слышать того, чьё имя поставлено критиками Европы и Америки наравне с Энрике Каруссо, Батистини и прочих королей оперы. Г. Рески едет на гастроли в Париж, возвращаясь из турне по пустыням Азии. Мы уверены, что наши меломаны не пропустят случая видеть такую звезду первой величины. Густаво Рески состоит артистом Парижской «Grand Opera», Ньюйоркского «Teatre Metropolitan» и, наконец, Миланской «La Skalla», то есть трёх самых крупных и наиболее значительных театров Европы и Америки. Густаво Рески единственный в своём роде певец, получивший исключительное право гастролировать по-итальянски на наших

Генеральный план Тополёвого сада.
Первое десятилетие XX века

императорских сценах с русским ансамблем, каковой чести до него не удостоивался ни один итальянец и даже сам великий Мазини...»

Из рецензии на выступление следует: «Концерт собрал почти полный зрительный зал. Сильный, сочный баритон с теноральным оттенком красиво звучал в неудобном в отношении резонанса зале театра. Ария Гореодора из оперы Бизе «Кармен» исполнена настоль-

ко превосходно, что положительно увлекла слушателей. В манере петь, владеть голосом, в ясной и необыкновенно отчётливой дикции виден был артист недюжинного таланта. На бис очень недурно пропел романс «Весна идёт» Блейхмана. Пел по-русски и, хотя произношение слов

было не совсем чисто, концертант даже на чуждом для него языке передал романс отчётливо и с большой задумчивостью».

С особым нетерпением поклонники Мельпомены ждали «заслуженного артиста Императорского Московского малого театра Ф.П. Горева». Корреспондент «Оренбургской газеты», радуясь возможности увидеть известного актёра, сообщал: «Сегодня (1 июля 1908 года — Т.С.) приезжает Фёдор Петрович Горев, приглашённый дирекцией летнего театра на ряд гастролей. О его игре, о созданных им ролях имеется уже многотомная литература и его имя гремит рядом с такими корифеями Императорской сцены, как М.Н. Ермолова, Г.Н. Федотова, А.П. Ленский и прочие столпы родного искусства. Будучи артистом московского Малого Императорского театра Ф.П. Горев выступал неоднократно в петербургском Александровском театре...

Фёдор Петрович принадлежит к старой школе драматического искусства, девизом которой служило изречение Шекспира: «Искусство — это религия, а игра — это культ его!» И действительно, все роли, богатого и крайне разнохарактерного репертуара Ф.П. Горева отделаны до изумительной тонкости. Будучи по амплуа героем, он одинаково хорош и в комедии, и в драме. Потрясая зал монологами трагедий, он заставляет его на другой день смеяться от души, давая своей игрой образцы изящного юмора. Приветствуя маститого артиста, мы можем только пожелать, чтобы он подольше побыл с нами. Нельзя не

отметить, что дирекция театра, несмотря на чрезвычайные расходы, сопряжённые с гастролями, цены местам оставила те же».

Сохранился восторженный отзыв о первой встрече знаменитости с оренбургской публикой: «Ф.П. Горев выступил в пятиактной комедии Пальма «Старый барин» в заглавной роли Опольева. Хочется сказать обычное русское спасибо за то удовольствие, за ту невольную слезу, которая стояла у многих в глазах в этот первый вечер знакомства с идеально-тонкой игрой Фёдора Петровича. Театр был почти полон. Присутствовали, так сказать, сливки нашего бомонда, в зале чувствовалось что-то особенное, какое-то нервно-приподнятое настроение. И один «из последних мозикан» нашей сцены оправдал ожидания. Он покорила толпу. Перед нами в этот вечер невольно воскресли образы Тургенева, и на нас пахнуло той эпохой, когда люди были как-то чище, а главное — крупнее в своих поступках. При первом же выходе Ф.П. Гореву был поднесён лавровый венок с надписью на лентах «Дорогому гостю Фёдору Петровичу Гореву. Привет от оренбуржцев 3 июля 1908 года».

В анонсе следующего спектакля подчёркивалось: «Сегодня (5 июля 1908 года — Т.С.) идёт «Отчий дом» — драма Зудермана. Ф.П. Горев выступит в роли полковника Шварца. Отметим, между прочим, что за исполнение этой роли в Берлине на сцене королевского театра в 1899 году Фёдор Петрович удостоился получить Высочайший подарок (булавку для галстука, изображаю-

щую в миниатюре золотой герб Пруссии с крупным солитером по середине). Подарок вручён артисту самим Императором Вельгельмом». Позднее оренбуржцы узнали, что «за игру в комедии князя Бяратинского «Перекапы» в 1904 году Ф.П. Горев получил от автора подарок — перстень с большим солитером; подарок был поднесён на подушке, на лентах которой шла надпись: «Великому художнику!»

Театралам была предоставлена приятная возможность лицезреть Горева в спектаклях «Отец» по пьесе Стринберга, «Король Лир» по трагедии Шекспира. После прощального бенефиса «Г.К. Невский» прочёл адрес, в котором, кроме принесения благодарности, труппа просила Ф.П. Горева остаться ещё на ряд гастролей. Громкие аплодисменты публики и крики «Не уезжайте!», «Останьтесь!» покрыли чтение адреса. Фёдор Петрович растроганным голосом благодарил дирекцию, труппу и публику за их внимание, ласку и сказал, что хотя он и устал, хотя его преклонный возраст и даёт себя знать в ежедневной работе, но любя сцену он готов остаться и забыть свои 62 года. Свою краткую речь Ф.П. Горев закончил так: «Господа, я говорю Вам не «Прощайте», а «Здравствуйте на ряд новых спектаклей». Крики «Спасибо!» и гром аплодисментов потрясли сцену и зал».

Артист, продлив своё пребывание

Ф.П. Горев

в Оренбурге, представал перед зрителями в пьесах «Отелло» по трагедии В. Шекспира, «Царь Фёдор Иоаннович» А.К. Толстого.

По поводу спектакля, назначенного на 31 июля 1908 года, корреспондент «Оренбургской газеты» написал: «Сегодня труппа «Ансамбль» celebrates закрытие сезона прощальным бенефисом того, кто доставил нам в течение целого месяца много минут истинного эстетического удовольствия своей художественно-тонкой игрой. Сегодня бенефис Ф.П. Горева. Маститый бенефициант, начавши свои гастролы строго литературной пьесой, заканчивает их сегодня таким произведением, как «Иванов» по пьесе А.П. Чехова. Он выступит в роли Иванова,

которую неоднократно исполнял на сцене Александринского театра в Петербурге и на сцене Корша в Москве в присутствии самого автора. Своеобразное исполнение этой характерной по психике роли Ф.П. Горевым не только одобрено А.П. Чеховым, но он даже жалел, что не мог обработать пьесу именно так, как её понимает Горев. И бенефис, и прощальный спектакль такой прекрасной труппы и наконец сам выбор пьесы — всё это говорит за то, что спектакль явится шедевром сезона...»

«СОСТОИТСЯ ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ НЕУСТРАШИМОГО АЭРОНАВТА»

Информируя земляков о новых развлечениях, местный журналист сообщал: «Кроме кукольного театра и палатки для торговли кумысом в Тополёвом саду окончена постройкой досчатая палатка, внутри её за прилавком возвышаются 6 ступенек, 4 верхние убраны, стоящими вертикально столовыми ножами, а в две нижние вбиты также вертикально 3 — 4-дюймовые гвозди. Каждый гвоздь и нож занумерованы. Соответственно занумерованы размещённые здесь же на палках вещи-подарки, выдающиеся тому, кто сможет набросить кольцо на торчащий нож или гвоздь, предварительно уплатив содержателю 5 копеек».

На первой полосе «Оренбургской газеты» в середине 1908 года появилось объявление: «Городской Тополёвый сад. 22 июля состоится первый полёт на воздушном шаре в первый

раз в городе Оренбурге неустрашимого аэронавта капитана Кудзоева. Полёт без предохранительной корзины». В опубликованной рядом афише летнего театра Тополёвого сада о спектакле по роману А.К. Толстого «Князь Серебряный» особо подчёркивалось: «Дабы дать возможность лицам, имеющим театральные билеты, смотреть полёт шара в саду, дирекция сим извещает, что спектакль начнётся после полёта шара».

Но в назначенный день полёт аэронавта не состоялся из-за неблагоприятных погодных условий. Очевидец не скупился на подробности: «Шар начал наполняться в начале восьмого часа и в половине девятого почти готов был к подъёму, как вдруг поднялась сильная буря. Порывы ветра закачали шар и он, накрываясь на бок, придавил фонарь с вольтовой дугой, который и разбился. Явилась опасность моментального воспламенения шара. Многочисленная публика, собравшаяся посмотреть полёт, шарахнулась в сторону, но благодаря энергичным действиям чинов полиции порядок не был нарушен. Державшие шар солдаты и специально нанятые рабочие начали быстро собирать аэроплан, был открыт клапан. Порывами ветра шар качало из стороны в сторону и наконец прорвало материю около чего шар начал быстро опадать, и через какие-нибудь четверть часа он представлял из себя громадную кучу материи грязноватого серого цвета. Неустрашимый воздухоплаватель хотел кое-как починить шар, переждать бурю и всё-таки лететь,

несмотря на темноту, но публика воспротивилась такому риску, и по её настоятельным просьбам полёт был отменён и перенесён на сегодня (по новому стилю 7 августа 1908 года — Т.С.). Шар начнёт наполняться с 6 часов вечера, а около 8-ми сойдёт и сам полёт.

Шар Кудзоева сделан из обыкновенного, не просмоленного серого полотна и в собранном виде весит 9 пудов. Подъёмная сила равна 45 пудам. Наполняется шар нагретым воздухом самым примитивным способом: в особой печи сжигается всё время солома, а шар держится над ней и таким образом постепенно наполняется и представляет из себя не аэроплан, а попросту баллон каптиф. В наполненном виде объём шара равен 1500 кубических метров, при длине окружности большого круга 6 сажень (сажень: 2,1336 м — Т.С.).»

Разочарование ждало оренбуржцев и в дальнейшем, о чём рассказал современник события: «Не повезло у нас аэроплану с самого начала: то к часу отлёта поднимется буря, то пойдёт дождь. Наконец в воскресенье (по новому стилю 9 августа 1908 года — Т.С.) установилась хорошая погода и шар часам к пяти надули, публики собралось очень много, все с нетерпением ждали полёта. Вдруг дождь, порыв ветра, шар ударился о столб, прорвал верх об имеющийся в столбе крюк и, оставив на нём порядочный кусок материи, с шумом опустился на землю, публика шарахнулась в сторону... Владелец аэроплана не унывает и обещает обязательно лететь сегодня (по новому стилю 11 августа 1908 года

— Т.С.); деньги обратно не выдавались».

В заметке, названной «И этому не везёт», репортёр «Оренбургской газеты» извещал: «30 июля (12 августа по новому стилю — Т.С.) между 6 — 8 часами вечера в Тополёвом саду должен был состояться полёт господина Зубенко — компаньона господина Кудзоева. Но и этому не повезло: в 5 часов пошёл сильный дождь, разогнавший всю собравшуюся публику. Полёт был отменён».

Во вновь назначенный день погодные условия благоприятствовали полёту. Один из зрителей свидетельствовал: «31 июля (13 августа по новому стилю — Т.С.) в пять часов дня на площадке Тополёвого сада начали наполнять аэроплан Кудзоева. Вся процедура наполнения закончилась через 45 минут, и шар быстро взвился. Кудзоев держался одной рукой за трапецию, а другой разбрасывал взятые с собой ленточки — афиши и конфеты. Поднявшись довольно высоко, аэронавт сел верхом на трапецию и в таком положении продолжал полёт. В начале шар поднимался совершенно вертикально, в верхних слоях воздуха оказалось довольно сильное течение, которое и понесло шар по направлению к Уралу.

Через полчаса шар, хотя и медленно, стал спускаться, всё время относимый ветром к реке. На всём пути следования за шаром бежали толпы народа, крыши и балконы домов покрылись любопытными. Велосипедисты, забыв все распоряжения и особые правила езды, без стеснения давили и толкали публику. Экипажи и извозчики дрожжи

обгоняли пешеходов. Все торопились к месту спуска. На улицах можно было наблюдать массу жанровых картинок, достойных кисти юмориста. В 6,5 часов шар настолько опустился, что можно было видеть невооружённым глазом все манипуляции спуска. За несколько саженей до земли аэронавт бросил трапецию и, держась обеими руками за верёвки парашюта, плавно, с лёгким прыжком опустился на землю около Банного озера, у железнодорожного моста, всего лишь в трёх саженях от края берега Урала. Бурные овации громадной толпы были наградой смелому аэронавту. Шар был собран вместе с парашютом и отправлен на ломовом извозчике, а сам Кудзоев поехал в Тополёвый сад, где многочисленная публика ждала известий о результатах полёта. У ворот сада была вторая овация, многие пожимали руку воздухоплавателю и поздравляли его с успехом.

Благодаря четырём отменам полёта господин Кудзоев ничего не получил за свой риск. Так за все пять раз выручено 267 р. 50 к., расходов же было 120 р., не считая 3-х починок шара, о стоимости которых можно судить хотя бы по последней, когда на одни заплаты пошло 73 аршина полотна и починка производилась 5-ю портными без остановки день и ночь».

«ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ СПЕКТАКЛЯ – ЗАРАБОТАТЬ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ»

Комментируя приятную новость о том, что в летнем театре Тополёвого

сада предполагается «открытие спектаклей с вновь сформированной труппой», в начале августа 1908 года сотрудник «Оренбургской газеты» информировал: «С 3 августа (16 августа по новому стилю – Т.С.) в продолжение всего месяца в летнем театре будет гастролировать труппа дирекции М.В.Маслова. Репертуар составлен разнообразно и обещает много серьёзных драм, комедий и новинок сезона. Для открытия идёт трагедия Шиллера «Коварство и любовь». Всего предусмотрено 25 спектаклей. Нельзя не отметить распоряжений новой дирекции, клонящейся к удобствам публики, а именно: спектакли будут начинаться ровно в 8,5 часов, будут введены ученические билеты с платой в 50 копеек с правом занимать свободные места. И, наконец, число лиц в ложах не ограничено».

Уже известный нам представитель журналистского братства, подписывающийся псевдонимом «Жало», не сдерживал эмоций: «Мы можем только удивляться такой небрежности и халатности постановки, какую мы видели в «Дмитрии самозванце». В народных сценах дело доходит до того, что действующим лицам приходилось попросту уходить за кулисы и оттуда слышались их энергичные покрикивания: «Шумите!», «Стучите!»... Если так пойдёт и дальше, то, конечно, отобьёт у публики всякое желание смотреть обстановкальные пьесы. Но, в общем, всё-таки новый ансамбль в соединении со старой труппой производит пока что приятное впечатление...»

Сразу же в прессе появились

сообщения о благотворительной деятельности: «В среду 5 августа дирекция драматической труппы летнего театра Г.К. Невский и М.В. Маслов препроводили господину полицеймейстеру 100 рублей, прося передать эти деньги семье недавно убитого городского Макарова. Та же дирекция препроводила господину полицеймейстеру, как уполномоченному Императорского Русского театрального общества, 50 рублей, жертвуя их на благотворительные учреждения (приют для сирот и детей беднейших деятелей сцены и убежище для престарелых артистов), находящиеся при названном обществе».

Благую цель преследовала и постановка спектакля по пьесе Ибсена «Нора» – сбор поступил на «окончание постройки здания глазной лечебницы Оренбургского попечительства о слепых». Корреспондент «Оренбургской газеты» радовался: «В заглавных ролях выступили премьеры труппы госпожа Шейндель и господин Белгородский. Публика горячо приветствовала обоих исполнителей и после второго акта А.В. Шейндель был передан роскошный букет с надписью на лентах «Талантливой артистке от оренбуржцев», а Белгородскому лавровый венок с такой же надписью. В заключение был живо разыгран водевиль А. Чехова «Юбилей». Театр был переполнен. Такого сбора не было за весь сезон».

Перед началом нового учебного года дирекция летнего театра объявила: «Во вторник 26 августа в день 80-летнего юбилея со дня рождения великого русского писателя Льва

Николаевича Толстого представлено будет одно из его лучших произведений «Плоды просвещения» – комедия в 4-х действиях. Завтра 27 августа в пользу общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии представлено будет «Забубённая головушка» – комедия в 3-х действиях Кареева».

Приветствуя этот почин, один из оренбуржцев взывал к землякам: «Общество учителей народных училищ Оренбургской губернии для усиления своих средств устраивает в летнем театре Тополёвого сада спектакль. Учительское общество существует 13 лет, и за такой период времени оно утёрло не одну учительскую слезу. Кому теперь неизвестна жизнь народного учителя, полная лишений, в особенности сельских семейных учителей. И обращается бедный учитель в общество своих собратьев и общество посылно помогает ему. Общество выдаёт пособие своим членам на воспитание детей, на лечение и тому подобные нужды. Расходов много, а средств мало. Оренбургская публика, всегда отзывчивая на всё доброе, несомненно посетит и устраиваемый обществом спектакль и тем окажет посылную помощь обществу...»

Среди отмеченных оренбургским театральным критиком в августе 1908 года постановок летнего театра – драма А. Дюма «Дама с камелиями», «Ревизор» по комедии Н.Гоголя, «Анна Каренина» по роману Л. Толстого, «Шерлок Холмс» по детективам Конан-Дойля. Приглашая на по-

следние из перечисленных спектакли, корреспондент «Оренбургской газеты» подчёркивал: «Цены более чем доступны: от 10 к. до 1 р. 10 к.».

В афишах о пьесе «Дети Ванюшина» — драме в 4-х действиях, сочинение Найдёнова» появилось необычное предложение: «Первый раз в Оренбурге за один билет — два спектакля. Лица, взявшие билет на первый спектакль 19 августа, имеют право по тому же билету быть и на спектакле 20 августа».

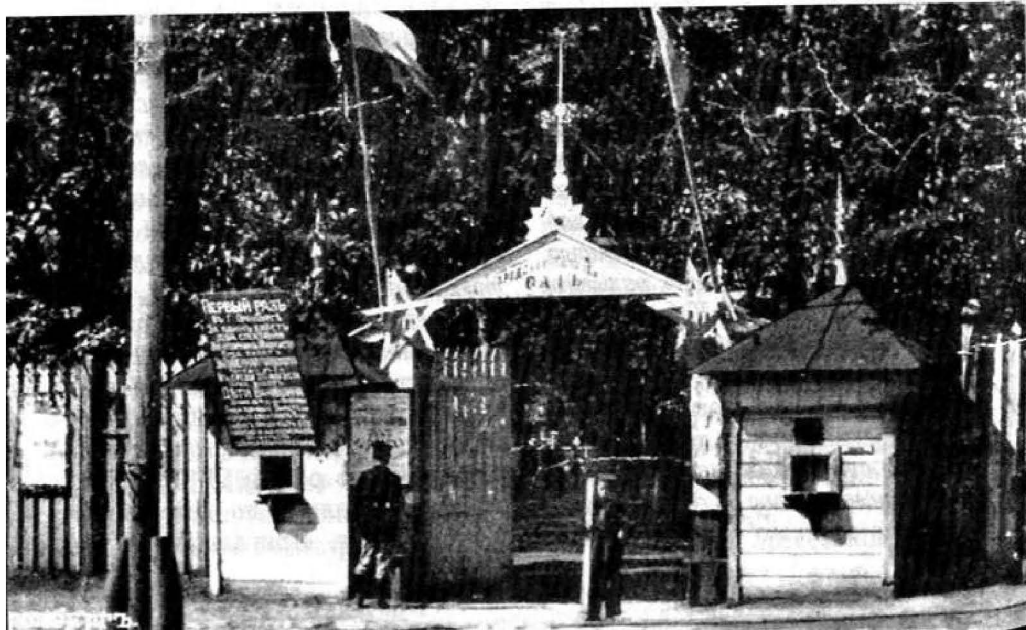
Традиционно устраивались бенефисы. Сотрудник «Оренбургской газеты» писал: «Состоится спектакль, сбор с которого за вычетом расходов пойдёт в пользу капельдинеров. Идёт, хотя и старая, но сильная содержательная драма А. Деннера «Две сиротки». С своей стороны мы надеемся, что наши театралы поддержат своим посещением симпатичную цель спектакля и тем самым дадут возможность

капельдинерам отпраздновать свой бенефис. А нужно отдать справедливость — они вполне заслужили его за свои неустанные, и замечу, плохо оплачиваемые труды, в течение трёх месяцев». В бенефис артиста Ю.В. Белгородского шла комедия А. Грибоедова «Горе от ума».

«Прощальный бенефис» антрепренёра труппы Михаила Васильевича Маслова состоялся 30 августа 1908 года. В программе — «новинка сезона, недавно вышедшая из печати, только что разрешённая к представлению «Жертва воспитания» — драма в 3-х действиях в переводе с немецкого Суконникова-Панова, «Ромео и Джульетта» В. Шекспира».

Тем не менее, вскоре стало известно, что 8 сентября (21 сентября по новому стилю — Т.С.) 1908 года «оставшимися артистами Масловской труппы, а

**Вход в Тополёвый сад.
Август 1908 года**

также лучшими силами местных любителей будет дан спектакль, сбор с которого товарищески будет разделён между участниками». Эту идею продвигал и хроникёр «Оренбургской газеты»: «Нам кажется, понятно каждому, что главная цель спектакля — заработать хоть что-нибудь. Мы уверены, что наше всегда отзывчивое общество и на этот раз поддержит своим присутствием интеллигентных тружеников сцены и тем даст им возможность поправить свои пошатнувшиеся дела, тем более, что цены устроителями понижены до минимума. Пойдёт пятиактная драма Фелонова «Убийца купеческая дочь Осипова». Канвой для драмы послужило истинное происшествие, имевшее место в Нижнем Новгороде.

Интерес посетить в этот вечер летний театр увеличивается ещё и тем, что состоится последнее летнее гулянье»...

Согласно архивным документам первое двадцатилетие существования Тополёвого сада закончилось тем, что в 1909 году Иван Михайлович Алексеев «с разрешения управы» передал его аренду «Жигулёвскому товариществу».

Один из старейших зелёных уголков Оренбурга, сад «Тополя», овеянный городскими легендами, в 2009 году благодаря его нынешним хозяевам отмечает своё 120-летие.